

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России

DOI: 10.21128/1812-7126-2018-2-128-145

ЯНВАРЬ • 2018

Постановление от 11 января 2018 года № 1-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201801120012; дата опубликования: 12.01.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право собственности; право на осуществление предпринимательской деятельности; преступления в сфере экономической деятельности; уголовный процесс; вещественные доказательства; изъятие имущества; арест имущества.

Заявитель: ООО «Синклит» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК РФ — постольку, поскольку на их основании уполномоченным лицом органа предварительного расследования в рамках досудебного производства по уголовному делу о преступлении в сфере экономической деятельности решается вопрос об изъятии, приобщении в качестве вещественных доказательств к материалам этого уголовного дела и хранении предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих лицу, не являющемуся в этом уголовном деле подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения противоречат статьям 8, 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34, 35 и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой они не предполагают наложение на определённый срок ареста на имущество,

признанное вещественным доказательством в качестве орудия преступления по уголовному делу в сфере экономической деятельности, что влечёт чрезмерное усмотрение уполномоченных органов при изъятии ими вещественных доказательств по уголовным делам, притом что отсутствует эффективный судебный контроль за таким изъятием, призванный обеспечить права собственников изымаемого имущества.

Итоговый вывод решения: признать положения части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что при решении на их основании уполномоченными лицами органов предварительного следствия и дознания в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности вопроса об изъятии, приобщении к материалам уголовного дела и удержании в режиме хранения в качестве вещественных доказательств предметов, принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (юридическим лицам, которые не контролируются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия), указанные вещественные доказательства не должны

изыматься у их собственников или владельцев, если обеспечение их сохранности и проведение с ними необходимых следственных действий, а равно предотвращение их использования для совершения преступлений не требуют — с учётом их особенностей и иных обстоятельств конкретного дела — такого изъятия; после проведения с ними необходимых следственных действий, потребовавших изъятия, они незамедлительно возвращаются собственнику или владельцу на ответственное хранение.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании положений части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. По смыслу статей 81, 81.1 и 82 УПК РФ, изъятие предметов и документов, подлежащих признанию вещественными доказательствами, применяется в целях обеспечения процесса доказывания с учётом прав и законных интересов их собственников или владельцев. Такого рода временное изъятие имущества само по себе не может расцениваться как нарушение права собственности, притом что лицам, в отношении которых применяются подобные меры, сопряжённые с ограничением правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, гарантируется право обжаловать соответствующие решения и действия в судебном порядке, а решения о признании тех или иных предметов вещественными доказательствами, их изъятии и удержании в режиме хранения, о способе такого хранения либо об их возвращении законному владельцу на ответственное хранение до принятия окончательного решения по уголовному делу или на иной вытекающий из закона срок должны быть мотивированными, отражающими особенности уголовного дела, включая правовое и фактическое положение предметов, признанных вещественными доказательствами.

В ходе досудебного производства по уголовному делу в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства, исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества также возможно наложение ареста на имущество, состоящего в запрете собственнику или владельцу имущества распоряжаться им и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение. Арест может быть наложен в том числе на имущество, находящееся у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или

лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности организованной группы, незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества.

Хотя наложение ареста на имущество может способствовать установлению наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, иных обстоятельств, имеющих значение для дела, собирания, проверки и оценки доказательств, а также может применяться для обеспечения сохранности вещественных доказательств по уголовному делу, институты наложения ареста на имущество и изъятия и хранения вещественных доказательств имеют разное предназначение в уголовном процессе. Тем обстоятельством, что изъятие имущества в качестве вещественного доказательства и его удержание в режиме хранения при наложении на него ареста позволяют распространить на данные отношения предварительный судебный контроль за законностью и обоснованностью временного изъятия имущества, не предопределяется использование процедуры наложения ареста на имущество во всех случаях, когда соответствующие предметы используются в качестве вещественных доказательств для раскрытия преступления и разрешения уголовного дела, тем более при обеспечении возможности последующего судебного контроля.

Изъятие и удержание в режиме хранения любого имущества, признанного вещественным доказательством, ограничивают права его собственника или владельца, причиняют им неудобство. Изъятие же и удержание предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, тем более на длительный срок, создают негативный эффект не для одного лишь лица либо группы лиц: они способны существенно нарушить производственные циклы, затруднить исполнение обязательств собственников или владельцев изъятого имущества перед контрагентами, повлечь прекращение самой предпринимательской деятельности, что неизбежно ведёт к ухудшению положения работников субъекта такой деятельности, вплоть до их вынужденного увольнения, то есть затрагивает весь комплекс их прав в трудовых правоотношениях. Затруднения в предпринимательской деятельности вызывают и сокращение

налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, притом что налоги материально обеспечивают осуществление публичной властью социальной, экономической, правоохранительной и иных функций.

Обязанность обосновать необходимость изъятия имущества, в том числе при возникновении судебных споров по соответствующим вопросам, лежит на уполномоченных лицах органов предварительного следствия и дознания, причём одной только ссылки на то, что данный предмет обладает свойствами вещественного доказательства, недостаточно для обоснования необходимости его изъятия.

При оценке законности и обоснованности изъятия имущества в связи с приобщением его к уголовному делу в качестве вещественного доказательства суд не может ограничиваться установлением формального соответствия закону полномочий применяющих данную меру должностных лиц органов предварительного расследования — он должен прийти к выводу, что иным способом обеспечить решение стоящих перед уголовным судом производством задач невозможно; в таких случаях должны приниматься во внимание как тяжесть преступления, в связи с расследованием которого решается вопрос об изъятии имущества, так и особенности самого имущества, в том числе его стоимость, значимость для собственника или владельца и общества, возможные негативные последствия изъятия имущества; в зависимости от указанных обстоятельств дознаватель, следователь и затем суд, решая вопрос о признании имущества вещественным доказательством, должны опреде-

лять, подлежит ли это имущество изъятию либо оно может быть сфотографировано, снято на видео- или киноплёнку и возвращено собственнику или владельцу на хранение до принятия решения по уголовному делу (см.: *Постановление от 16 июля 2008 года № 9-П*).

Следовательно, изъятие и удержание в режиме хранения в качестве вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если для обеспечения сохранности таких вещественных доказательств не требуется их изъятие у собственников либо владельцев или допускается их незамедлительное возвращение последним на ответственное хранение после производства необходимых следственных действий, несоизмерно конституционно значимым ценностям ограничивали бы право частной собственности указанных лиц, а также их право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 1).

Постановление от 12 января 2018 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201801120006; дата опубликования: 12.01.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: государственная служба; защита материнства и детства; органы внутренних дел; сокращение должности; увольнение работника; перевод на другую работу; запрет увольнения одиноких матерей.

Заявитель: гражданка Н. В. Кургаева (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положение пункта 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе

в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — постольку, поскольку это положение служит основанием увольнения со службы сотрудника органов внутренних дел — одинокой матери, воспитывающей ребёнка в возрасте до 14 лет, в случае, когда в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий и сокращения замещаемой ею должности она отказывается от перевода на иную должность в органах внутренних дел.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит статьям 7, 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 38 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой оно не относит основание увольнения сотрудника органов внутренних дел, предусмотренное пунктом 3 части 3 статьи 82 названного Федерального закона, к основаниям увольнения по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, препятствуя тем самым предоставлению сотруднику органов внутренних дел — одинокой матери, воспитывающей ребёнка в возрасте до 14 лет, гарантии, предусмотренной частью четвёртой статьи 261 Трудового кодекса РФ, а также не обязывают руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя предлагать сотруднику, подлежащему увольнению в связи с проведением организационно-штатных мероприятий, влекущих сокращение замещаемой им должности, все имеющиеся вакантные должности, что позволяет производить увольнение из органов внутренних дел произвольно, по усмотрению соответствующего руководителя.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемое положение не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нём положение не предполагает возможность применения предусмотренного им основания расторжения контракта по инициативе (по выбору) руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в отношении сотрудника органов внутренних дел — одинокой матери, воспитывающей ребёнка в возрасте до 14 лет, в случае, когда при сокращении замещаемой ею должности в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий она отказывается от перевода на иную вакантную должность.

Правоприменительные решения по делу заявителя, основанные на оспоренном законоположении в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Мероприятия по сокращению должностей государственной службы в конкретном государственном органе, осуществляемые в целях оптимизации численности и состава государственных служащих, упорядочения распределения нагрузки на них, улучшения работы данного государственного органа, должны быть направле-

ны на совершенствование организации и прохождения государственной службы в таком государственном органе и, как следствие, на повышение эффективности его функционирования как неотъемлемой части механизма реализации публичных функций государства. Их проведение должно сопровождаться соблюдением установленной законопроцедуры, а высвобождаемым государственным служащим должны предоставляться гарантии, обеспечивающие справедливость и обоснованность их увольнения, а также защиту от произвольного прекращения служебного контракта (см.: *Постановление от 29 марта 2016 года № 8-П*).

Наряду с общими гарантиями, предоставляемыми всем сотрудникам, должности которых подлежат сокращению, на проходящих государственную службу женщин, являющихся одинокими матерями, воспитывающими детей в возрасте до 14 лет, распространяются специальные меры государственной защиты. Гарантия, связанная с запретом увольнения одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, по инициативе работодателя в связи с сокращением численности или штата, прямо либо косвенно распространяется на женщин, состоящих в трудовых отношениях, проходящих государственную, в том числе государственную гражданскую, службу либо являющихся муниципальными служащими. Для женщин, работающих по трудовому договору, гарантии при расторжении трудового договора прямо установлены статьёй 261 Трудового кодекса РФ; гарантии защиты от увольнения для беременных женщин-военнослужащих, а также женщин-военнослужащих, исполняющих материнские обязанности, непосредственно закреплены пунктом 25 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы. Что касается женщин, проходящих государственную службу иного вида, то законодательство, определяющее их правовое положение как государственных служащих, не включает специальные гарантии, связанные с материнством и воспитанием детей, такие гарантии предоставляются им на основании отсылочных норм, предусматривающих возможность применения трудового законодательства в части, не урегулированной законодательством о конкретном виде государственной службы. Наличие определённой специфики прохождения государственной службы того или иного вида само по себе не может служить оправданием для отмены в отношении избравших её женщин — одиноких матерей, воспитывающих детей, не достигших 14-летнего возраста, правовых гарантий, имеющих целью их защиту от увольнения в связи с сокращением численности или штата сотрудников соответствующего государственного органа (см.:

Постановление от 15 октября 2013 года № 21-П).

Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливая возможность сокращения должностей, замещаемых сотрудниками, определяет для таких случаев и особенности прохождения службы сотрудниками, должности которых подлежат сокращению.

Так, пункт 1 части 1 статьи 36 данного Федерального закона предусматривает возможность продолжения службы сотрудником, должность которого сокращается, на иной должности, предоставленной ему с учётом уровня его квалификации, образования и стажа службы (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности. При этом часть 7 его статьи 82, закрепляя правило, в силу которого увольнение в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником, осуществляется по инициативе одной из сторон контракта, содержит и специальную гарантию, направленную на обеспечение сотруднику возможности продолжить службу: расторжение контракта с сотрудником по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя по данному основанию допускается только в случае невозможности перевода или отказа сотрудника от перевода на иную должность.

При наличии вакантных должностей в органах внутренних дел сотруднику, признанному ограниченно годным к службе или годным к службе с незначительными ограничениями, соответствующие должности должны быть предложены; могут не предлагаться те вакантные должности, для замещения которых сотрудник не обладает необходимыми профессиональными качествами либо имеются иные объективные обстоятельства, препятствующие его переводу на такие должности (см.: *Постановление от 1 марта 2017 года № 3-П*). Приведённая правовая позиция в полной мере применима и к случаям сокращения должностей в органах внутренних дел, поскольку и в таких случаях сотрудник увольняется по основанию, не связанному с его виновным поведением: как прямо следует из части 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ему должна быть предоставлена возможность перевода на другую должность.

В то же время, согласно пункту 3 части 3 данной статьи, контракт о прохождении службы в

органах внутренних дел подлежит расторжению, а сотрудник — увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел, за исключением случаев отказа от перевода по основаниям, предусмотренным в статье 30 того же Федерального закона.

При этом расторжение контракта с сотрудником и его увольнение со службы по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», возможно, если только данным Федеральным законом не предусмотрены иные последствия невозможности перевода сотрудника на иную должность в органах внутренних дел (отказа от перевода), либо если отсутствуют иные, прямо предусмотренные им основания увольнения, в большей степени соответствующие обстоятельствам, послужившим причиной увольнения, либо если данное основание увольнения выбрано самим увольняемым со службы в органах внутренних дел сотрудником в порядке реализации права, предоставленного ему частью 8 той же статьи.

Соответственно, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель при решении вопроса об увольнении сотрудника, должность которого сокращается, связан требованиями Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», обязывающими его выбрать то основание увольнения, которое прямо предписано названным Федеральным законом для соответствующих обстоятельств увольнения, либо — если увольняемому сотруднику предоставлено право выбора основания увольнения со службы — волеизъявлением самого сотрудника. В противном случае допускался бы произвольный выбор указанными должностными лицами основания увольнения сотрудника, должность которого сокращается, ущемлялись бы права сотрудников, а сам пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» утрачивал бы качество определённости.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о правах ребёнка (пункт 3 статьи 27).

Постановление от 17 января 2018 года № 3-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельные законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201801180005; дата опубликования: 18.01.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: социальное государство; страхование; страховые взносы; Пенсионный фонд; Фонд социального страхования; налоговая ответственность; обратная сила закона.

Заявители: Арбитражный суд города Москвы и ООО «Проект» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”» — постольку, поскольку на их основании решается вопрос о привлечении с 1 января 2017 года плательщиков страховых взносов к ответственности за непредставление в установленный срок расчёта по начисленным и уплаченным страховым взносам в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, подлежащим уплате за отчётные (расчётные) периоды, истекшие до 1 января 2017 года.

Позиция заявителей: оспариваемые законоположения противоречат статьям 2, 6 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 17 (часть 1), 19 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 49 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции РФ в той мере, в какой они допускают при-

влечение после 1 января 2017 года плательщиков страховых взносов в Пенсионный фонд РФ к ответственности на основании нормы, утратившей силу с указанной даты, в то время как с этой даты к ним должны применяться нормы Налогового кодекса РФ, предусматривающие возможность более мягкого наказания за непредставление в установленный срок расчёта по начисленным и уплаченным страховым взносам в Пенсионный фонд РФ в случае отсутствия задолженности по уплате таких взносов.

Итоговый вывод решения: признать часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статью 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”» в их взаимосвязи с не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу содержащиеся в них положения предполагают, что: применение части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» с 1 января 2017 года к деяниям, совершённым до этой даты, то есть во время действия данного законоположения, допустимо только в том случае, если в системе действующего правового регули-

рования с учётом фактических обстоятельств конкретного дела исчисленный в соответствии с названным законоположением во взаимосвязи с общими положениями об ответственности за совершение таких правонарушений размер штрафа меньше или равен размеру штрафа, исчисленному в соответствии с пунктом 1 статьи 119 Налогового кодекса РФ во взаимосвязи с общими положениями налогового законодательства об ответственности за совершение налоговых правонарушений; в ином случае применению к соответствующим деяниям подлежит пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса РФ. Правоприменительные решения по делу заявителя, вынесенные на основании оспоренных законоположений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет; никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. При принятии законов, устраняющих или смягчающих ответственность, законодатель по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, и не может не предусмотреть механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от вынесения юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания.

Следовательно, если деяние продолжает оставаться противоправным и наказуемым, правовая норма, закреплявшая конкретный состав соответствующего правонарушения, может применяться и после утраты силы законом, её содержавшим, к деяниям, совершённым во время действия этого закона, но только если предусмотренная ею ответственность мягче, чем закреплённая положением, устанавливающим в настоящее время ответственность за то же деяние, или равна ей, и во всяком случае только в пределах установленного законом срока давности привлечения к ответственности за соответствующее правонарушение.

При установлении и изменении составов правонарушений и мер ответственности за их совершение федеральный законодатель связан критериями пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать прин-

цип равенства всех перед законом, означающий, помимо прочего, что любое правонарушение, как и санкции за его совершение, должно быть чётко определено в законе, причём таким образом, чтобы, исходя непосредственно из текста нормы (в случае необходимости — с помощью толкования, данного ей судами), каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия).

Установление с 1 января 2017 года ответственности плательщика страховых взносов за непредставление в налоговый орган в законодательно закреплённый для этого срок расчёта по страховым взносам, предусматривавшейся ранее частью 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», при сохранении тем самым наказуемости соответствующего деяния означает, что с 1 января 2017 года к таким правонарушениям, имевшим место до указанной даты, может применяться либо часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», либо пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса РФ. Выбор же одного из названных законоположений для цели применения меры ответственности за соответствующее правонарушение предопределяется положениями статьи 54 Конституции РФ.

Органы Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ и суды, разрешая вопросы о возможности привлечения с 1 января 2017 года к ответственности плательщиков страховых взносов за непредставление в установленный срок расчёта по начисленным и уплаченным страховым взносам в соответствующие государственные внебюджетные фонды, подлежащим уплате за отчётные (расчётные) периоды, истекшие до 1 января 2017 года, о выборе на основе указанного критерия подлежащей применению нормы и о размере наказания, должны руководствоваться не только содержанием этих норм, но и находящимися с ними во взаимосвязи общими положениями о применении ответственности за совершение правонарушений данного вида, в том числе закрепляющими обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

Ни оспариваемые заявителями законоположения, ни иные положения Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Фе-

дерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» не называют прямо полномочие органов Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ при привлечении с 1 января 2017 года к ответственности плательщиков страховых взносов за непредставление в установленный срок расчёта по начисленным и уплаченным страховым взносам в соответствующие государственные внебюджетные фонды, подлежащим уплате за отчётные (расчётные) периоды, истекшие до 1 января 2017 года, применять пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса РФ. Между тем отказ от применения данного законоположения в случаях, когда в системе действующего правового регулиро-

вания и с учётом фактических обстоятельств конкретного дела оно предусматривает меньший размер штрафа, чем часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», создавал бы условия для нарушения требований Конституции РФ. Кроме того, цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод, а потому тот факт, что применение норм Налогового кодекса РФ относится к компетенции налоговых органов, не может в сложившейся нормативно-правовой ситуации рассматриваться как препятствие для их применения органами Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования РФ, если это обусловлено прямым действием статьи 54 (часть 2) Конституции РФ.

Постановление от 22 января 2018 года № 4-П по делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201801240010; дата опубликования: 24.01.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на жилище; предоставление жилого помещения; социальный найм; совместное проживание детей и родителей; дети-инвалиды.

Заявители: граждане А. А. Шакирова, М. М. Шакиров и А. М. Шакирова (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положение пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса РФ — постольку, поскольку на его основании решается вопрос о предоставлении жилого помещения по договору социального найма несовершеннолетнему, страдающему тяжёлой формой хронического заболевания, указанного в перечне соответствующих заболеваний, установленном уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти во исполнение предписания пункта 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса, в случае, когда члены его семьи, с которыми он совместно проживает, состоят на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Позиция заявителей: оспариваемое законоположение противоречит статье 38 Конституции РФ в той мере, в какой оно препятствует предоставлению во внеочередном порядке жилого помещения

на условиях социального найма семье с ребёнком-инвалидом, имеющим право на получение жилого помещения в таком порядке.

Итоговый вывод решения: признать пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса РФ не противоречащим Конституции РФ, поскольку содержащееся в нём положение по своему конституционно-правовому смыслу:

— предполагает вынесение решения о внеочередном предоставлении жилого помещения по договору социального найма несовершеннолетнему гражданину, страдающему тяжёлой формой хронического заболевания, указанного в перечне, предусмотренном пунктом 4 части первой статьи 51 данного Кодекса, с учётом площади, необходимой для проживания в нём также по крайней мере одного взрослого члена семьи, осуществляющего уход за этим несовершеннолетним;

— само по себе не может служить основанием для отказа в предоставлении жилого помещения несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, с учётом необходимости проживания в нём также его родителей и других членов семьи, если, исходя из обстоятельств конкретного дела, их совместное проживание является определяющим для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в

общество и при наличии у публичного образования фактических возможностей для предоставления жилого помещения соответствующей площади.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении граждан заявителей на основании пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса РФ в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. В соответствии со статьёй 57 Жилищного кодекса РФ жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, состоящим на учёте как нуждающиеся в жилых помещениях, в порядке очерёдности исходя из времени их принятия на такой учёт. Исключением из этого правила является часть 2 данной статьи, предусматривающая дополнительную гарантию права на жилище для граждан, нуждающихся в особой поддержке государства — внеочередное предоставление жилых помещений по договорам социального найма гражданам, жилые помещения которых признаны в установленном порядке непригодными для проживания и ремонту или реконструкции не подлежат, а также гражданам, страдающим тяжёлыми формами хронических заболеваний, но не их семьям.

Такое законодательное решение имеет целью не только обеспечить скорейшее отселение этих граждан, но и удовлетворить потребность в отдельном жилье как можно большего их числа при соблюдении принципа равенства и справедливости в отношении иных граждан, также нуждающихся в жилых помещениях, и само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционное право на жилище как самого гражданина, получающего жилое помещение вне очереди, так и членов его семьи, которые не лишаются возможности быть принятыми на учёт нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, на общих основаниях.

Конкретизируя предписания Конституции РФ, согласно которой гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объёме свои права и обязанности с 18 лет, и корреспондирующие этим предписаниям положения международно-правовых актов, предполагающих, помимо прочего, предпочтительность совместного проживания родителей со своими несовершеннолетними детьми и, соответственно, возлагающих на государство ответственность за создание для этого необходимых условий, федеральный законодатель ввёл в правовое регулирование правила, касающиеся места жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, и граждан,

находящихся под опекой, каковым признаётся место жительства их законных представителей — родителей, усыновителей или опекунов. Таким образом, действующее законодательство, учитывая физическую и умственную незрелость несовершеннолетнего ребёнка, а в отношении ребёнка-инвалида — также необходимость постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, исходит из того, что местом жительства ребёнка является место жительства его семьи, и устанавливает обязанность родителей проживать совместно с ребёнком.

Несовершеннолетние дети, страдающие заболеваниями, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, в частности дети-инвалиды, тем более нуждаются в том, чтобы им были обеспечены условия для полноценного развития и интеграции в общество. В этих целях необходимо не только создание специальных правовых механизмов, предоставляющих инвалидам дополнительные преимущества и гарантирующих им право на равные с другими гражданами возможности при реализации конституционных прав, но и введение мер социальной поддержки для лиц, осуществляющих социально значимую функцию воспитания детей-инвалидов и ухода за ними.

Предоставление жилого помещения в порядке, предусмотренном пунктом 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса РФ, в расчёте лишь на самого несовершеннолетнего, страдающего тяжёлой формой хронического заболевания, фактически приводило бы либо к отказу от использования данной льготы, либо — при её использовании — к существенным затруднениям в реализации родителями прав и обязанностей, возлагаемых на них Конституцией РФ и законом, и тем самым поощряло бы нарушение прав как самих несовершеннолетних, так и их родителей, а следовательно, лишало бы смысла закрепление в жилищном законодательстве права на получение вне очереди жилого помещения по договору социального найма применительно к несовершеннолетним, страдающим тяжёлыми формами хронических заболеваний, делая его иллюзорным.

Из этого следует, что пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса РФ не предполагает вынесения решения о предоставлении несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, жилого помещения без учёта того, что он не может быть лишён возможности получить должные уход и воспитание, то есть без учёта необходимости постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, а следовательно, проживания в предоставляемом ему жилом помещении

по крайней мере ещё одного взрослого члена семьи. Не может данное законоположение рассматриваться и как препятствующее предоставлению жилого помещения исходя из необходимости проживания несовершеннолетнего вместе с членами его семьи, если при оценке обстоятельств конкретного дела правоприменительный орган придёт к выводу, что для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в общество определяющим (предпочтительным) будет именно их совместное проживание, однако при принятии такого решения должны приниматься во

внимание как права других членов семьи на благоприятные условия проживания, так и наличие у публичного образования возможности предоставления жилого помещения соответствующей площади.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 24); Декларация прав ребёнка; Конвенция о правах ребёнка (пункты 1 и 2 статьи 3, статья 5, пункт 1 статьи 8, пункт 1 статьи 9, пункт 1 статьи 18 и пункт 2 статьи 27).

Постановление от 29 января 2018 года № 5-П по делу о проверке конституционности положений статей 181.4 и 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201801300011; дата опубликования: 30.01.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: управление многоквартирным домом; расходы по содержанию общего имущества; дифференцированные взносы на содержание общего имущества; недействительность решения собрания собственников помещений в многоквартирном доме.

Заявитель: гражданин С. А. Логинов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пунктов 1, 3 и 7 статьи 181.4, статья 181.5 ГК РФ и часть 1 статьи 158 Жилищного кодекса РФ — постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности признания недействительным (применения последствий ничтожности) решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, устанавливающего различные размеры платы за содержание общего имущества в таком доме для собственников жилых и нежилых помещений.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения противоречат статьям 6 (часть 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции РФ в той мере, в какой они, не предусматривая запрет установления решением общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме дифференцированных ставок платы за содержание общего имущества в зависимости от назначения и размещения помещений (жилое, нежилое), препятствуют признанию судом недействительным (применению последствий ничтожности) подобных решений.

Итоговый вывод решения: признать пункты 1, 3 и 7 статьи 181.4, статью 181.5 ГК РФ и часть 1

статьи 158 Жилищного кодекса РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

— предполагают совместное участие всех собственников помещений в многоквартирном доме в расходах на содержание общего имущества в таком доме и не исключают возможность учёта общим собранием собственников помещений при принятии решения об установлении размера платы за содержание жилого помещения, включающей в себя в том числе плату за содержание и текущий ремонт общего имущества, либо размера обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, особенностей помещений в данном доме (в частности, их назначения), а также иных объективных обстоятельств, которые могут служить достаточным основанием для изменения долей участия собственников того или иного вида помещений в обязательных расходах по содержанию общего имущества, при том условии, что дифференциация размеров соответствующих платежей, основанная на избранных общим собранием собственников помещений дополнительных критериях для определения долей такого участия, не повлечёт за собой необоснованных различий в правовом положении собственников помещений, относящихся к одной и той же категории;

— не исключают возможность признания судом недействительным решения общего собрания собственников помещений об установлении размера платы за содержание жилого помещения (обяза-

тельных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества), в том числе предусматривающего различные размеры такого рода платежей для собственников жилых и нежилых помещений, но лишь в случае, если суд придёт к выводу о нарушении указанным решением требований закона.

Правоприменительные решения в отношении заявителя, если они вынесены на основании пунктов 1, 3 и 7 статьи 181.4, статьи 181.5 ГК РФ и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Поскольку сам факт существования и сохранность каждого из помещений в многоквартирном доме обусловлены существованием и состоянием самого здания, наличие права собственности на помещения в нём обуславливает и наличие права общей долевой собственности собственников этих помещений на общее имущество в таком доме; несение расходов по содержанию общего имущества для каждого из собственников помещений в этом доме составляет не просто неотъемлемую часть бремени содержания принадлежащего ему имущества, но и обязанность, которая вытекает из факта участия в праве собственности на общее имущество и которую участник общей долевой собственности несёт, в частности, перед другими её участниками, чем обеспечивается сохранность как каждого конкретного помещения, так и самого дома в целом (см.: *Постановление от 12 апреля 2016 года № 10-П*).

Жилищный кодекс РФ устанавливает для всех собственников жилых помещений обязанность не только нести расходы на содержание принадлежащих им помещений, но и участвовать в расходах на содержание общего имущества соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество; при этом доля обязательных расходов на содержание общего имущества, бремя которых несёт собственник помещения в таком доме, определяется его долей в праве общей собственности на общее имущество, которая, в свою очередь, пропорциональна размеру общей площади принадлежащего ему помещения в этом доме. Такое регулирование направлено на поддержание дома в состоянии, отвечающем санитарным и техническим требованиям, что соответствует общим интересам собственников помещений; справедливое распределение необходимых расходов между ними как участниками общей собственности и не предполагает произвольного определения размера платы за содержание жилого помещения и взно-

сов на капитальный ремонт многоквартирного дома.

Соответственно, не может рассматриваться как не согласующееся с конституционными предписаниями и возложение расходов по содержанию общего имущества не только на собственников жилых помещений в таком доме, но и на лиц, в собственности которых находятся расположенные в нём нежилые помещения и которые также заинтересованы в поддержании дома в надлежащем состоянии, а потому лица данной категории наряду с собственниками жилых помещений обязаны вносить соответствующие платежи соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество.

При установлении решением общего собрания размера платы за содержание жилого помещения, включающей в себя в том числе плату за содержание и текущий ремонт общего имущества, либо размера обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, собственникам помещений следует в первую очередь учитывать, что такие платежи должны быть достаточными для финансирования услуг и работ, необходимых для поддержания дома в состоянии, отвечающем санитарным и техническим требованиям. При этом законодательно установленный критерий распределения бремени расходов на содержание общего имущества сам по себе не исключает возможность учёта при принятии указанного решения особенностей соответствующих помещений, а также иных объективных обстоятельств, которые могут служить достаточным основанием для изменения долей их участия в обязательных расходах по содержанию общего имущества. При этом выбор дополнительных критериев для определения долей участия собственников того или иного вида помещений в обязательных расходах по содержанию общего имущества не должен осуществляться произвольно, а основанная на этих критериях дифференциация размеров соответствующих платежей не должна приводить к недопустимым различиям в правовом положении собственников помещений, относящихся к одной и той же категории.

Решения общего собрания собственников помещений, в том числе по вопросу об установлении размера платы за содержание жилого помещения либо размера обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, по своей природе относятся к решениям гражданско-правового сообщества.

В соответствии с ГК РФ правила его главы 9.1 «Решения собраний» применяются к различным

решениям гражданско-правового сообщества постольку, поскольку законом или в установленном им порядке не предусмотрено иное. В отношении решений общего собрания собственников помещений такое специальное регулирование содержится в Жилищном кодексе РФ, глава 6 которого в числе прочего определяет компетенцию общего собрания, формы и порядок его проведения, включая голосование по вопросам повестки дня, а также порядок принятия и обжалования его решений. В частности, решение, принятое общим собранием собственников помещений с нарушением требований данного Кодекса, может быть обжаловано в суд собственником помещения в этом доме в случае, если он не принимал участия в общем собрании или голосовал против принятия такого решения и если таким решением нарушены его права и законные интересы; соответствующее заявление может быть подано в суд в течение шести месяцев со дня, когда указанный собственник узнал или должен был узнать о принятом решении; суд с учётом всех обстоятельств дела вправе оставить в силе обжалуемое решение, если голосование указанного собственника не могло повлиять на результаты голосования, допущенные нарушения не являются существенными и принятое решение не повлекло за собой причинение убытков указанному собственнику.

Каких-либо специальных норм, закрепляющих основания признания решения общего собрания собственников помещений оспоримым или ничтожным, Жилищный кодекс РФ не содержит, что

позволяет применять к ним положения главы 9.1 ГК РФ о недействительности решений собраний.

В ходе рассмотрения дела об оспаривании решения общего собрания собственников помещений лицо, обратившееся в суд с соответствующим заявлением, не лишено возможности представить доводы и доказательства, свидетельствующие о том, что определённый общим собранием размер платы за содержание жилого помещения установлен произвольно и не отвечает требованиям разумности, а основанная на избранных общим собранием дополнительных критериях для определения долей участия собственников помещений в обязательных расходах на содержание общего имущества дифференциация размеров указанных платежей влечёт за собой недопустимые различия в правовом положении этих лиц.

Суд же при оценке правомерности обжалуемого решения, действуя в пределах предоставленной ему дискреции и исходя из конкретных обстоятельств дела, во всяком случае не должен руководствоваться исключительно формальным критерием распределения бремени расходов на содержание общего имущества. Вместе с тем он вправе признать такое решение недействительным лишь в том случае, если придёт к выводу о нарушении им требований закона. Иное ставило бы под сомнение свободу собственников помещений в принятии ими решений, связанных с управлением таким домом, и приводило бы к умалению конституционных гарантий права собственности, затрагивая само существо данного права.

ФЕВРАЛЬ • 2018

Постановление от 6 февраля 2018 года № 6-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201802080044; дата опубликования: 08.02.2018)

Правовые категории в Постановлении: обязанность платить законно установленные налоги и сборы; меры налогового принуждения; налоговая ответственность; освобождение от налоговой ответственности.

Заявитель: ОАО «ТАИФ» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса РФ постольку, поскольку на основании этих положений в их взаимосвязи разрешается вопрос о возможности освобождения от налоговой ответственности,

предусмотренной статьёй 123 Налогового кодекса РФ, налоговых агентов, которые, своевременно представив в налоговый орган отчётные документы (расчёты) по налогу на доходы физических лиц без ошибок и искажений, просрочили перечисление удержанной суммы налога, но самостоятельно уплатили недостающую сумму налога и соответствующие ей пени до момента, когда им стало известно об обнаружении налоговым органом факта несвоевременного перечисления удержанной суммы налога или о назначении выездной налоговой проверки.

Позиция заявителя: оспариваемые положения противоречат статьям 19, 46 и 55 Конституции РФ, поскольку позволяют освобождать налогового агента от налоговой ответственности (штрафа) за несвоевременное перечисление в бюджет удержанных им сумм налога на доходы физических лиц лишь в том случае, если он представит уточнённую налоговую отчётность; поскольку же при изначально правильно составленной отчётности это условие исполнить нельзя, освобождением от налоговой ответственности за такую просрочку могут пользоваться лишь налоговые агенты, представившие недостоверную налоговую отчётность.

Итоговый вывод решения: признать взаимосвязанные положения пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса РФ не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой они не препятствуют освобождению от налоговой ответственности за несвоевременное перечисление в бюджет сумм налога на доходы физических лиц налоговых агентов, не допустивших искажения налоговой отчётности, если они самостоятельно (до момента, когда им стало известно об обнаружении налоговым органом факта несвоевременной уплаты налога или о назначении выездной налоговой проверки) уплатили необходимые суммы налога и пени, а несвоевременное перечисление ими в бюджет соответствующих сумм явилось результатом упущения (технической или иной ошибки) и носило непреднамеренный характер.

Правоприменительные решения, принятые в отношении заявителя на основании оспоренных положений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству и полным возмещением ущерба, понесённого казной вследствие несвоевременного внесения налога, что даёт государству право добавить к сумме недоимки доплатительный платёж — пению при задержке в уплате сумм налога; штрафы же, взимаемые за нарушение налогового законодательства, носят карательный характер и являются наказанием за предусмотренное законом противоправное виновное деяние, совершенное умышленно или по неосторожности, то есть — в отличие от налоговой недоимки и пени — выходят за рамки налогового обязательства (долга) как такового (см.: *постановления от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 14 июля 2005 года № 9-П и от 19 января 2016 года № 2-П; Определение от 10 марта 2016 года*

№ 571-О). Указанная правовая позиция относится также к освобождению от налоговой ответственности либо к её смягчению, поскольку принципы справедливости и соразмерности предполагают пропорциональность не только в санкциях, но и в условиях освобождения от ответственности в зависимости от тяжести содеянного, причинённого ущерба, степени вины и других существенных обстоятельств, не исключая поощрения налогоплательщиков к правомерному поведению в фискальных правоотношениях.

Нарушения, допущенные налоговым агентом при уплате налога за налогоплательщика, требуют мер государственного принуждения, пропорциональных опасности таких нарушений, что согласуется с конституционными установлениями в налоговой сфере (статья 57 Конституции РФ) и вместе с тем не исключает наличие в налоговом законе предписаний, направленных на создание как у налогоплательщиков, так и у налоговых агентов заинтересованности в самостоятельном исправлении ошибок, допущенных ими при исполнении возложенных на них налоговых обязанностей, притом что за налоговыми органами остаётся право выявлять с помощью имеющихся в их распоряжении организационно-административных средств такого рода налоговые правонарушения в рамках контрольных процедур. Правила исправления налоговой отчётности для целей освобождения от налоговой ответственности, предусмотренные статьёй 81 Налогового кодекса РФ, действуют, и в отношении налоговых агентов, в связи с чем уточнённый расчёт они должны представлять не только при занижении сумм налога, но и при их завышении, обусловленном недостоверностью расчёта; равным образом распространяются на налоговых агентов и условия освобождения от налоговой ответственности в случае представления уточнённых расчётов по подлежащему удержанию и перечислению налогу, включая налог на доходы физических лиц.

Система налогообложения основывается на информации о доходах, представляемой прежде всего самим налогоплательщиком (налоговым агентом) (см.: *Постановление от 14 июля 2005 года № 9-П*). Налоговый закон признаёт значимость требования достоверности налоговой отчётности в поддержании фискального порядка; соответственно, его соблюдение не может препятствовать применению фискально-поощрительных мер, тем более что ни сам налоговый закон, ни практика его применения не могут поощрять сохранение недостоверности в налоговой отчётности, обуславливая освобождение от налоговой ответственности исключительно наличием

ошибок (недостовверных сведений) в налоговых декларациях или расчётах, как учтённых в объективной и субъективной стороне правонарушения, так и сопутствующих налоговому деликту в условно нейтральном значении.

Принимая во внимание расхождения в понимании оспариваемых положений, имеющие место в судебной практике, исходя из требований Конституции РФ и основанных на них правовых позиций, Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что эти положения в их взаимосвязи и с учётом их места в системе правового регулирования не должны толковаться как лишаящие налогового агента, допустившего просрочку в уплате налога на

доходы физических лиц, который был правильно исчислен им в представленном налоговому органу расчёте, права на освобождение от налоговой ответственности, если он уплатил недостающую сумму налога и соответствующие ей пени до момента, когда ему стало известно об обнаружении налоговым органом факта несвоевременного перечисления удержанного налога или о назначении выездной налоговой проверки, притом что отсутствуют доказательства, указывающие на то, что несвоевременное перечисление налоговым агентом в бюджет сумм налога носило преднамеренный характер, не было результатом его упущения (технической или иной ошибки).

Постановление от 8 февраля 2018 года № 7-П по делу о проверке конституционности пункта 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” и в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»» и положения пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201802090013; дата опубликования: 09.02.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: достоинство личности; гарантии социальной защиты; социальная защита граждан, подвергшихся воздействию радиации; инвалидность вследствие чернобыльской катастрофы; принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Заявитель: гражданин А. Я. Сизов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 15 части первой статьи 14 Закона РФ от 15 мая 1991 года № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, пункт 1 статьи 2 Федерального

закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ и положение пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ в той мере, в какой в их взаимосвязи они служат основанием для установления гражданам, которые до 15 февраля 2001 года были признаны инвалидами-чернобыльцами и получали возмещение вреда в размере, исчисленном из заработка, и которым при очередном переосвидетельствовании было отказано в определении степени утраты профессиональной трудоспособности, ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью в твёрдом размере, меньшем по сравнению с размером ранее производимой выплаты.

Позиция заявителя: оспариваемые положения не соответствуют статьям 2, 10, 11 (часть 1), 15 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 42, 45, 46 (часть 1),

53, 54 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают возможность снижения размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью гражданам, признанным инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы до вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, которым при очередном переосвидетельствовании было отказано в установлении степени утраты профессиональной трудоспособности.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемые положения не противоречащими Конституции РФ, поскольку данные нормы в их взаимосвязи — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагают возможность снижения исчисленного из среднего заработка с учётом степени утраты профессиональной трудоспособности размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью, установленной гражданам, которые до 15 февраля 2001 года были признаны инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы и которым при очередном переосвидетельствовании была установлена более низкая группа инвалидности без определения степени утраты профессиональной трудоспособности.

Правоприменительные решения, принятые в отношении заявителя на основании оспоренных положений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Возникновение конституционно-правовых отношений по поводу возмещения вреда здоровью между гражданами, которые оказались в зоне влияния радиационного излучения и других неблагоприятных факторов, возникших вследствие чернобыльской катастрофы, и государством, с деятельностью которого в сфере освоения и использования ядерной энергетики было связано причинение такого вреда, обусловлено самим фактом причинения такого вреда. На государство, призванное охранять достоинство личности во всех сферах, возлагается обязанность предоставить этим гражданам эффективную поддержку как лицам, у которых в результате существенного неблагоприятного воздействия чрезвычайных техногенных обстоятельств невосполнимо утрачиваются (или резко сужаются) возможности самостоятельного обеспечения достойной жизни и свободного развития (см.: *постановления от 1 декабря 1997 года № 18-П, от 19 июня 2002 года № 11-П, от 20 декабря 2010 года № 21-П и от 7 февраля 2012 года № 1-П*).

В процессе совершенствования социальной защиты граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы, включая признанных инвалидами от радиационно обусловленных заболеваний, было осуществлено правовое регулирование, согласующееся с конституционными принципами справедливости и равенства в их интерпретации Конституционным Судом РФ применительно к возмещению вреда, причинённого здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (см.: *постановления от 19 июня 2002 года № 11-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П, от 1 июля 2014 года № 20-П*). В случае установления инвалидности вследствие чернобыльской катастрофы без указания срока переосвидетельствования гражданин пожизненно сохраняет за собой соответствующий статус, включая право на ежемесячную денежную компенсацию в возмещение вреда здоровью.

Федеральный законодатель, сообразуясь с конституционными нормами и принципами, положил в основу преобразования системы возмещения вреда, причинённого здоровью воздействием радиации вследствие чернобыльской катастрофы, критерий равенства ценности жизни и здоровья всех граждан, пострадавших от неё. Всем гражданам, получавшим до 15 февраля 2001 года возмещение вреда, причинённого здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, и после этой даты составившим особую категорию инвалидов-чернобыльцев, были обеспечены равные условия перехода к новому механизму возмещения вреда, как того требуют статьи 19, 42 и 55 Конституции РФ. Уменьшение объёма возмещения вреда вступало бы в противоречие с вытекающими из Конституции РФ требованиями стабильности длящихся конституционно-правовых отношений и запретом умаления или ограничения права на возмещение вреда при совершенствовании порядка и условий возмещения вреда, причинённого здоровью граждан, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы.

Иное истолкование оспариваемых норм вступало бы в противоречие не только с требованиями стабильности длящихся конституционно-правовых отношений, запретом умаления или ограничения права на возмещение вреда при совершенствовании порядка и условий возмещения вреда, причинённого здоровью граждан, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, но и с вытекающим из Конституции РФ принципом поддер-

жания доверия граждан к закону и действиям государства (часть 1 статьи 1, статья 2, часть 2 статьи 6, статья 18 и части 2 и 3 статьи 55), который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предоставление гражданам возможности адаптироваться к вносимым изменени-

ям и который должен соблюдаться при изменении законодателем ранее установленных условий социальной защиты, направленной на компенсацию вреда, причинённого здоровью граждан в связи с деятельностью государства в сфере освоения и использования ядерной энергетики (см.: *постановления от 24 мая 2001 года № 8-П и от 10 ноября 2009 года № 17-П*).

Постановление от 13 февраля 2018 года № 8-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201802150012; дата опубликования: 15.02.2018)

Правовые категории в Постановлении: параллельный импорт; право на товарный знак; принцип исчерпания исключительного права на товарный знак; принцип добросовестности и недопустимость злоупотребления правами; дифференциация гражданско-правовой ответственности.

Заявитель: общество с ограниченной ответственностью «ПАГ» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: взаимосвязанные положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ — в той мере, в какой на основании этих положений разрешается вопрос о привлечении к ответственности лица за нарушение исключительного права на товарный знак посредством ввоза соответствующих товаров на территорию Российской Федерации без согласия обладателя данного исключительного права для их введения в гражданский оборот.

Позиция заявителя: оспариваемые положения ГК РФ противоречат статьям 1, 7, 17—19, 35 и 55 Конституции РФ и нарушают конституционные принципы правовой определённости и справедливости в той мере, в какой эти положения в их истолковании судами допускают отнесение к контрафактным товаров с законно размещённым на них товарным знаком, позволяют применять в качестве мер гражданско-правовой ответственности изъятие из оборота и уничтожение таких товаров, ещё не введённых в оборот, применять указанные санкции, а также взыскание компенсации в отношении таких товаров, не предполагают учёта стоимости таких товаров при определении размера подлежащей взысканию компенсации; допускают применение указанных санкций при отсутствии установленной законом цели охраны исключительного права на товарный знак.

Итоговый вывод решения: признать положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не противоречащими Конституции, поскольку по конституционно-правовому смыслу этих положений:

— закреплённый федеральным законодателем в рамках предоставленной ему дискреции национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак применяется во взаимосвязи с регулированием принципа исчерпания прав международными договорами, участником которых является Российская Федерация, в том числе пункт 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе;

— не исключается правомочие суда, действуя на основании статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции РФ и в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 1, пунктами 1 и 2 статьи 10 ГК РФ, отказать полностью или частично в применении последствий ввоза на территорию России без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещён самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами России, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию таких последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов; при этом следование правообладателя товарного знака режиму санкций против России, её хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Россия, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении россий-

ского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение;

— не предполагается применение при ввозе на территорию России без согласия правообладателя товарного знака партии товара, на котором товарный знак размещён правообладателем или с его согласия, таких же по размеру (тяжести последствий) мер гражданско-правовой ответственности, как при ввозе поддельного товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечёт для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара;

— товары, на которых товарный знак размещён самим правообладателем или с его согласия, ввезённые на территорию России без согласия правообладателя, могут быть изъяты из оборота и уничтожены в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Дело ООО «ПАГ», разрешённое на основании оспариваемых положений ГК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежит пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Товары иностранного производства, на которых их производителем размещены товарные знаки, могут быть правомерно приобретены вне пределов России и впоследствии перемещаться через её границу. Фактически на территорию России такие товары могут поставляться как самим производителем либо иным хозяйствующим субъектом по согласованию с ним, так и хозяйствующим субъектом без согласования с производителем или с выбранными им официальными дистрибьюторами, то есть в порядке параллельного импорта.

В целях учёта конкурирующих прав и интересов производителей как обладателей исключительного права на товарный знак и их официальных дистрибьюторов, с одной стороны, и импортеров и потребителей — с другой, в их сопряжении законодательство многих стран использует принцип исчерпания прав (первой продажи или введения в оборот), означающий, по общему правилу, свободный оборот товаров, если они на законных основаниях уже введены в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия. При этом возможность параллельного импорта во многом зависит от того, какой режим исчерпания прав установлен в правовой системе того государства, на территорию которого ввозится со-

ответствующая продукция, — национальный, региональный или международный.

Статья 1487 ГК РФ, согласно которой не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории России непосредственно правообладателем или с его согласия, предусматривает тем самым национальный режим исчерпания исключительного права на товарный знак. Поскольку установление того или иного режима исчерпания прав по смыслу статей 71 (пункты «е», «ж», «л») и 74 (часть 2) Конституции РФ, является дискрецией федерального законодателя, названное законоположение само по себе не может рассматриваться как несовместимое с её требованиями. Вместе с тем следует учитывать, что статья 1487 ГК РФ действует в контексте принципов и норм Конституции РФ и в системной связи с другими положениями гражданского законодательства.

Для государств — членов ЕАЭС установлен региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак. Региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, предусмотренный приложением № 26 к Договору о ЕАЭС, действует в России в силу статьи 15 (часть 4) Конституции РФ и конкретизирующего её предписания применительно к гражданскому законодательству пункта 2 статьи 7 данного Кодекса. Таким образом, статья 1487 ГК РФ подлежит применению во взаимосвязи с международно-правовым регулированием принципа исчерпания прав, включая пункт 16 приложения № 26 к Договору о ЕАЭС.

Правоприменители, прежде всего суды, обязаны применять положения законодательства об интеллектуальной собственности не только исходя из их системной связи с положениями гражданского законодательства, но и в контексте общеправовых принципов равенства и справедливости, а также принимая во внимание вытекающие из этих принципов требования соразмерности (пропорциональности) и соблюдения баланса конкурирующих прав и законных интересов — частных и публичных (часть 3 статьи 17, части 1 и 2 статьи 19, часть 3 статьи 55 Конституции РФ).

Действия правообладателя, недобросовестно использующего механизм национального (регионального) исчерпания исключительного права на товарный знак, в частности ограничивающего ввоз на внутренний рынок России конкретных товаров или реализующего ценовую политику, состоящую в завышении цен на российском рынке по сравнению с другими рынками в большей степени, чем

это характерно для обычной экономической деятельности, не могут расцениваться как одобряемые с точки зрения защиты конституционно значимых ценностей, если такие действия приводят к ограничению доступа российских потребителей к соответствующим товарам, прежде всего тем, наличие которых на внутреннем рынке является жизненно важной необходимостью (например, отдельные категории лекарственных средств, оборудование для жизнеобеспечения населения и т.д.). Если правообладатель осуществляет своё исключительное право на товарный знак в противоречии с вытекающим из Конституции гражданско-правовым принципом добросовестности, нарушая конституционно защищаемые ценности, то должны использоваться гражданско-правовые институты противодействия злоупотреблению правом, что предполагает правомочие суда отказать в иске либо снизить размер неблагоприятных последствий для другой стороны спора.

Конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация гражданско-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причинённого ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения. Пункты 1 и 2 статьи 1515 ГК РФ во взаимосвязи со статьями 1252, 1484 и 1487 позволяют относить к контрафактным как поддельную продукцию, так и товар, снабженный законным товарным знаком, но импортированный в Россию без согласия правообладателя. Этим, однако, не

предопределяется возможность применения одинаковых мер гражданско-правовой ответственности к импортёру в обоих случаях. Очевидна разница в степени угрозы для законного оборота, степени общественной опасности использования потребителями товаров, контрафактных в силу поддельного происхождения, и товаров, признаваемых таковыми исключительно в силу их ввоза в страну неуполномоченным импортером. При параллельном импорте понесённые правообладателем убытки, по общему правилу, не столь велики, как при ввозе поддельных товаров, маркированных принадлежащим ему товарным знаком.

Обзор подготовили: Сергей Афанасьев и Димитрий Медников. Ведущий рубрики — Лев Олегович Иванов.

Библиографическое описание:

Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России: № 1-П – 8-П (2018) // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2(123). С. 128–145.

Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments

Nos. 1-P – 8-P • 2018

Citation

(2018) *Obzor pravovykh pozitsiy v postanovleniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii*: Nos. 1-P – 8-P (2018) [Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments: Nos. 1-P – 8-P (2018)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 2, pp. 128–145. (In Russian).